

Сингаевская Анна Вячеславовна

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Статья посвящена вопросам семантики имени собственного в составе фразеологизма и проблеме соотношения национального и интернационального в ономастической фразеологии. Установлено, что ономастический компонент фразеологической единицы сохраняет семантические связи с соответствующим онимом в языке и речи и благодаря этому мотивирует значение фразеологизма. Семантический вес имени собственного в общем фразеологическом значении зависит от специфики его ономастического разряда и от степени идиоматичности фразеологизма. Национальные и интернациональные признаки фразеологизмов не обязательно обусловлены характером ономастического компонента. Фразеологические единицы с интернациональными антропонимами именами собственными библейского и античного происхождения могут отличаться национальными особенностями, а обороты с национально окрашенными онимами, накладываясь на общие для многих языков структурно-семантические модели, имеют интернациональные признаки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 178-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.134.2

Филологические науки

Статья посвящена вопросам семантики имени собственного в составе фразеологизма и проблеме соотношения национального и интернационального в ономастической фразеологии. Установлено, что ономастический компонент фразеологической единицы сохраняет семантические связи с соответствующим онимом в языке и речи и благодаря этому мотивирует значение фразеологизма. Семантический вес имени собственного в общем фразеологическом значении зависит от специфики его ономастического разряда и от степени идиоматичности фразеологизма. Национальные и интернациональные признаки фразеологизмов не обязательно обусловлены характером ономастического компонента. Фразеологические единицы с интернациональными антропонимами именами собственными библейского и античного происхождения могут отличаться национальными особенностями, а обороты с национально окрашенными онимами, накладываясь на общие для многих языков структурно-семантические модели, имеют интернациональные признаки.

Ключевые слова и фразы: фразеологическая единица; имя собственное; антропоним; ономастический компонент; структурно-семантическая модель.

Сингаевская Анна Вячеславовна, к. филол. н.

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина
margaritkacha@list.ru*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ©

В современных лингвистических исследованиях наблюдается отчетливая тенденция к выявлению языковых явлений, связанных с национальной самобытностью определенного народа, и их всестороннему анализу. Объектом такого интереса является фразеология, а особенно та ее часть, которая содержит национально маркированный компонент – имя собственное (ИС). Имена собственные – самая восприимчивая часть языка, они реагируют на все исторические и культурные события быстрее, чем любой другой его элемент [6, с. 40-41]. Каждая эпоха обогащает систему имён своим собственным социологическим и идеологическим багажом. Соотнеся понятия «культура» и «имя», А. В. Суперанская приходит к выводу, что «имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с культурой и культурно-исторической традицией известного народа» [Там же, с. 57].

Имя собственное оказывает «магнетическое» воздействие на исследователей, давая им неиссякаемый импульс для его изучения как междисциплинарного явления, объединяющего в себе факты истории, географии, культурологи, социологии, лингвистики, психологии и т.д. В функционировании имени собственного присутствует некоторая парадоксальность: с одной стороны, оно выполняет функцию называния отдельного лица, имеет назывное единичное значение, а с другой стороны, оно может приобретать обобщенный смысл, отличающийся глубиной, многомерностью, наложением пластов знаний и ощущений, в результате чего имена собственные становятся полноправным участником процесса имятворчества [1, с. 30].

Изучение фразеологических единиц (ФЕ) с ономастическим компонентом позволяет, с одной стороны, проследить особенности закрепления в языке национально-культурных реалий, с другой – углубить понимание ряда дискуссионных проблем языкознания, таких как: природа антропонимического компонента ФЕ и его роль в мотивации фразеологического значения; семантический статус ИС, соотношение категорий национального и интернационального в корпусе фразеологии с компонентом-антропонимом.

Выделение национально-культурного компонента семантики фразеологизма, которым в данном исследовании считается антропоним, дает возможность изучить фразеологические единицы с точки зрения наличия в них информации о национальной культуре, вскрыть исходную мотивированность личного имени, показать, что способы проявления национально-культурной специфики фразеологизмов обусловлены психологией народа, своеобразием восприятия окружающего мира, различными ассоциациями, возникающими у носителей языка в связи с ролью в жизни народа тех или иных социально-общественных и природных явлений и окружающих предметов.

Термин «фразеологическая единица» понимаем широко: он охватывает не только идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства), фразеологические сочетания, разного рода сравнительные обороты, но и пословицы, поговорки, приметы, крылатые выражения, то есть все разнообразие устойчивых воспроизводимых словесных комплексов (кроме терминологических), которые содержат в своей формальной структуре имя собственное (антропоним).

Фразеологический фонд языка – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в нем как бы законсервированы представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т.д. В. Н. Телия в своей монографии отмечает, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [7, с. 9]. Она

также утверждает, что образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова, в основной своей массе прозрачны для данной лингвокультурной общности, так как отражают характерные для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе [Там же].

В исследованиях по фразеологии можно выделить два принципиально различных понимания национальной специфики фразеологических единиц. Как показывают наши наблюдения, в большинстве случаев национально-культурная специфика фразеологизмов определяется относительно другого языка: такой подход можно назвать сравнительным или сопоставительным. При таком подходе наличие национально-культурных характеристик выявляется относительно к специфике соответствующих культур, при этом не все межъязыковые различия являются показателями национальной специфики, а лишь фразеологические единицы, которые имеют культурно обусловленные термины или культурно значимые следствия.

Другой принцип понимания национальной специфики фразеологизмов связывается с национальным духом носителей языка и национальной маркированностью тех или иных единиц родного языка вне сопоставления с другими языками. Предполагается, что в каждом языке существуют фразеологизмы, которые воспринимаются носителями этого языка как «свои и только свои», то есть сугубо национальные.

О важности изучения фразеологического богатства каждого языка с точки зрения его национального колорита говорит Х. Касарес. Он сравнивает фразеологию с таинственным миром, исследование которого является срочной, настоящей и неотложной задачей, поскольку слова могут ждать, «они прикреплены к текстам, подобно бабочкам, убитым парами камфоры и насаженным на булавки, а вот исследование модизмов не терпит отлагательств, потому что каждое вступающее в мир поколение менее чувствительно, чем предыдущее, к волнам прошлого, которое быстро удаляется и становится эфемерным» [2, с. 255].

Именно фразеологизмы, по утверждению М. Пръето, «*incluyen al hablante y al oyente en un espacio común, culturalmente compartido, que les permite decodificarlo, al mismo tiempo que ofrecen la información en una imagen compleja que rompe la formalidad y recrea, a menudo, un contexto oral*» [16, p. 5] (включают говорящего и слушающего в единое пространство, которое они культурно разделяют, что позволяет его декодифицировать, и в то же время предлагают информацию в виде сложного образа, который нарушает формальность и часто заново создает контекст речи) (Перевод автора – А. В.).

Фразеологическое богатство испанского языка можно разделить на фразеологизмы, которые пополняются и изменяются на основе собственных ресурсов, по внутренним законам развития языка, и те, что пополняются на основе прямого заимствования и калькирования, приспособления их к грамматическому строю и лексическому составу испанского языка.

Распространены в испанском языке фразеологизмы интернационального типа: кальки с древнегреческого и латинского, отчасти и из восточных языков, в том числе и библейского происхождения. Исходя из сказанного выше, выделим национальные, исконно испанские, и заимствованные фразеологические единицы с ономастическим компонентом.

Как национальные, так и заимствованные фразеологические единицы, в составе которых имеются антропонимы, имеют свои источники возникновения. Среди национальных фразеологизмов выделяем устойчивые сочетания народно-разговорного характера, создателем которых является испанский народ. Источником их возникновения являются обычаи, поверья, легенды, сказки, песни, история испанцев, христианские обычаи. Многие из них функционируют в обиходно-бытовой сфере, они также широко отражены в произведениях художественной литературы.

Таковы, например, *ser la carabina de Ambrosio* («быть совершенно бесполезным ≈ пятое колесо в телеге»). Легенда гласит, что Амбросио был фермером, который жил в Севилье в начале девятнадцатого века. Поскольку сельскохозяйственные вопросы шли у него неважно, он устал жить плохо и решил подняться в горы грабить людей, будучи вооруженным только лишь карабином. Но так как люди, на которых он нападал, знали его как хорошего человека и воспринимали все в шутку, он посчитал виновной в этом свою старую винтовку. Образ доброго хорошего бандита, который вызывает не страх, а смех, не однажды появлялся в сказках и легендах [9].

Más enamorado que Macías (букв. «влюблен больше, чем Масиас»). Это выражение употребляется по отношению к мужчине, который страстно влюблен в женщину. Масиас (по прозвищу *el Enamorado* – «влюбленный») – галисийский трубадур, один из последних и наиболее известных средневековых поэтов Галисии, жил во второй половине XIV века. Будучи щитоносцем при дворе испанского гранда, он влюбился в одну из придворных дам и воспевал её в стихах; разгневанный муж пожаловался его сюзерену, который приказал заключить певца в темницу, но так как Масиас там продолжал воспевать свою любовь, то был убит. Его стихи настолько сильны, что имя Масиаса уже в середине XV века было синонимом «верного любовника». О нем создано много легенд, имя трубадура часто упоминается во многих произведениях испанской литературы.

Ser más feo que Picio («дурен (дурна), как смертный грех»). Мы используем это выражение, когда хотим подчеркнуть чье-либо уродство. Легенда гласит, что Писо был сапожником, который жил в Гранаде в первой половине девятнадцатого века. Несчастный сапожник был приговорен к смерти, по-видимому, ошибочно, и хотя указ о помиловании прибыл вовремя, беспокойство и страдания, которые испытывал Писо в ожидании казни, стали причиной того, что у него выпали волосы и на лице появились ужасные прыщи и пустулы. Отвергнутый обществом из-за своего уродства, Писо закончил свои дни в глухой деревне Сьерра-Невады [10].

La fiera Corrupia (букв. «зверь Коррупия») – так называют вспыльчивого, раздражительного человека с очень плохим характером: *Ten cuidado con Juan, porque cuando se enfada se pone hecho una fiera corrupia y no se sabe cómo va a reaccionar* [12] («Остерегайся Хуана, потому что когда он сердится, то становится свирепым, как зверь, и никто не знает, как он дальше будет реагировать»).

Fiera Corrupia – легендарное чудовище, предположительно из Галисии или Леона, связанное со временами языческих культов. Народная традиция изображает его в виде дракона и приписывает всевозможные зверства и, таким образом, создается общая оценка плохого, злого человека, вспыльчивого и раздражительного.

Ya viene Martinico... (букв. «уже идет Мартинико»). Добрый домовый Мартинико – это персонаж испанской мифологии, преимущественно распространен в Андалузии и Кастилии. В Кастилии эти домовые являются частью некоторых домов и иногда шалют, дразнят членов семьи, прячут их вещи, шумят, гасят свет, но, несмотря на это, когда у семьи возникают какие-то проблемы, они всегда помогают в их решении. В Арагоне он отвечает за сновидения, поэтому, когда дети хотят спать, обычно говорят: «вот идет Мартинико» [14, р. 502].

Выражение *Llamar a Cachano con dos tejas* («напрасно звать о помощи») является синонимом сложной или бесполезной вещи. Согласно легенде, жил в деревне Алькоркон, недалеко от Мадрида гончар по имени Качано. Он был почти совсем глухим, но имел редкую способность слышать шум, который производили разбивающиеся горшки. Таким образом, когда кто-то глух к вашим молитвам, нужно прибегать к такому же способу, что и односельчане Качано: стучать друг о друга битыми черепками в надежде быть услышанным.

Широко употребляются в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок имена святых христианской церкви: *Santiago* – Сантьяго (Святой Яков) – покровитель Испании: *¡Santiago y cierra España!, ¡Santiago y a ellos!* – Вперед! Ура! В атаку! Бей их [3, с. 680]! *San Martín* – святой Мартин: *A cada cerdo le llega su San Martín* – всему приходит конец; *San Bernardo, San Lorenzo* – имена святых Бернардо и Лоренсо содержатся в выражениях *comer con salsa de San Bernardo* (букв. «есть с соусом Святого Бернардо») и *asarse como San Lorenzo* (букв. «жариться, как Святой Лоренсо»), которые означают, соответственно, «есть со зверским аппетитом, есть любую пищу» и «страдать от жары». Фразеологические единицы *ir en el coche de San Fernando (San Francisco)*, *ir en caballo de San Francisco* означают «идти пешком». Особенно много фразеологизмов связано с именем святого Петра: *bien se está San Pedro en Roma (хорошо святому Петру в Риме)* – от добра добра не ищут; *las de San Pedro* – слезы; *como San Pedro* (как святой Петр) – лысый; *(estimado) como San Pedro en Roma* (уважаемый, как святой Петр в Риме) – почтенный; *tomar el café con San Pedro* (букв. «пить кофе со святым Петром») – выдавать себя не за того человека; *¡Que lo haga San Pedro!* (пусть это делает святой Петр!) – речевой акт отказа (я этого делать не буду) [5, с. 89].

Очень образны и национально специфичны идиомы – сравнительные обороты с *como* («как») и *más que* («более чем»). В них зачастую отражаются глубоко народные представления о библейских персонажах и святых: *como marrano de San Antón* – питаться святым духом; *como el perro de San Roque* – болтун, балаболка; *como la capa de San Martín* – рваная, дырявая одежда; *como San Martín* – последнюю рубашку с себя снимет; *como el agua por San Juan* – не ко времени; *como el borrico de San Vicente* – очень рассеянный; *caer como San Juan a veinticuatro* – прийти в самый раз; *más flaco que el San Jerónimo de Mayo* – кожа да кости [Там же, с. 90].

Фамилии и прозвища, которые входят в состав народно-разговорных фразеологизмов, называют известными лиц Испании, связанных с различными историческими событиями: Диего Перес де Варгас (*Machuca*), Хуан де Варгас, Антонио Барсело, Педро I Санчо, капитан по имени Арана или Аранья.

Ser como la espada de Machuca, que quiebra y no corta (букв. «как меч Мачуки, который крушит, а не рубит») – употребляется по отношению к победителю. Мачука («Крушитель») – прозвище, которое заслужил Диего Перес де Варгас в сражении при Херес-де-ла-Фронтера в ходе так называемой «Великой Реконксты». В начале 1231 года сын короля Фернандо III, инфант Альфонсо отправился в поход против мусульман. Перед боем дон Альваро Перес де Кастро «Эль Кагельяно», командовавший авангардом, указал своим войнам, что отступить некуда и что от их решительной атаки будет зависеть исход сражения. Первым же ударом кастильцы опрокинули мавров. В первых рядах сражались братья Гарсия Перес де Варгас и Диего Перес де Варгас. Дон Диего наносил удары врагам с такой яростью, что его меч и копье сломались. Тогда он отломал у дуба большой сук и продолжил им поражать мавров. Восхищенный его действиями, граф Альваро Перес воскликнул: «Так, Диего, так! Круши, круши! (исп.: *machusa, machusa!*)». От слова «крушить» (исп. – «*machasar*») и пошло прозвище Диего Переса – Мачука, унаследованное его потомками [14].

Выражение *que viene Vargas* (букв. «сейчас придет Варгас») используют, чтобы пугать непослушных детей именем судебного исполнителя Хуана де Варгаса, известного особенной жестокостью во время правления короля Филиппа II.

Поговорка *más célebre que Barceló por la mar* (букв. «более знаменитый, чем адмирал Барсело») означает быть более смелым или более известным, чем контр-адмирал Антонио Барсело. Антонио Барсело (1717-1797) – знаменитый испанский корсар, сражавшийся с арабскими пиратами и англичанами на Средиземном море, избобретатель канонерок. Его военные подвиги принесли ему легендарную славу.

Выражение *como Pedro por su casa* (в Арагоне более употребительно *é intrase como Pedro por Huesca* – «вести себя в чужом доме очень фамильярно и свободно, вести себя, как в своём доме, вести себя беспардонно»), вероятно, происходит от завоевания Уэски в 1094 году королем Педро I Санчо, который, став королем Арагона и Памплоны, продолжил завоевательную политику [9].

Фразеологизм *parecer el capitán Araña (como el capitán Araña, que embarcó la tropa y se quedó en casa)* (букв. «как капитан Аранья, который собрал войско, а сам остался дома») – применяется для критики дей-

ствий тех, кто побуждает других участвовать в рискованных предприятиях, а сам остается в стороне. Интересна история происхождения этого фразеологизма: в конце XVIII века морской капитан по имени Арана или Аранья, баск или португалец, разбогател путем привлечения добровольцев из испанских прибрежных городов для борьбы с повстанцами в странах Латинской Америки. Сам же он остался на земле и никогда больше не предпринимал морских путешествий [13].

Ряд фразеологических единиц испанского языка содержит в своем составе имена исторических деятелей, известных как в Испании, так и во всем мире. Так, имя выдающегося теолога и математика XVI в. Педро Сируэло используется для обозначения высокообразованного, умного человека: *saber más que el maestro Ciruelo* (букв. «знать больше, чем маэстро Сируэло»). По иронии судьбы фраза *el maestro Ciruela que no sabe leer y pone escuela* (букв. «Маэстро Сируэла, который не умеет читать, /является/ директором школы» – «Азбуки не знает, а читать садится») обозначает малообразованного человека, но не имеет ничего общего с предыдущим выражением. Речь идет о человеке, который стремится дать урок каждому по вопросу, в котором он сам ничего не смыслит: «профессор кислых щей» в русском языке [10].

Во фразеологизме *saber más que Lepe* (букв. «знать больше, чем Лепе» – «быть семи пядей во лбу») отражены энциклопедические знания, связанные с именем дона Педро де Лепе и Дорантеса, епископа Калаорры, автора знаменитого католического катехизиса.

Имя национального героя Испании, одного из самых выдающихся деятелей Реконквисты, Родриго Диас де Вивара по прозвищу Сид, воспетого в поэме «Песнь о моем Сиде», стало эталоном храбрости для испанцев, что нашло свое отражение во фразеологизме *ser más valiente que el Cid* (букв. «быть храбрее, чем Сид»).

Имена некоторых тореадоров стали настолько популярны, что вошли во фразеологический фонд испанского языка: так, фразеологизм *tener más valor que El Guerra* (букв. «быть смелее самого Герры») мотивирован именем легендарного матадора XIX века и характеризует необыкновенно мужественного человека [14]. Также для выражения этической оценки «храбрый» используется имя собственное знаменитого своей смелостью тореро Мануэля Гарсиа Куеста по прозвищу Еспартеро: *tener más valor que El Espartero* (букв. «иметь больше мужества, чем Еспартеро»), названного так в честь отважного генерала Балдомеро Еспартеро, сражавшегося против карлистов.

Хитрость и сообразительность ассоциируются с именем собственным виконта Кардоны, сохранившего себе жизнь своевременным бегством из королевского двора Педро IV Арагонского (XIV в.) после провалившейся попытки переворота: *más listo que Cardona, saber más que Cardona* (букв. «быть сообразительнее/хитрее, чем Кардона» – «хитрый как чёрт; ловкач, пройдоха») [4].

Выражение *tener más cuento que Calleja* означает «сильно преувеличивать, рассказывать сказки, фантазировать». Сатурнино Кальеха Фернандес (1853-1915) был директором издательства, основанного в 1785 г. и специализировавшегося преимущественно на печатании детских сказок. Он прославился в частности тем, что «адаптировал» сюжеты и имена героев. Стойкий оловянный солдатик страдал у него во имя девы Марии, барона Мюнхгаузена звали барон де Ла Кастанья и т.д. Фразой *tener más cuento que Calleja* соответственно выражается недоверие собеседнику: «Тебе бы сказки сочинять», «Расскажи это кому-нибудь другому» [14].

Онимы в национальных фразеологических единицах книжного происхождения связываются с определенным художественным произведением испанской литературы. Выявленные антропонимы фразеологизировались благодаря Тирсо де Молине, Х. Сорилье, М. Сервантесу: дон Жуан, Дон Кихот, Санчо Панса [11; 19; 20].

Дон Хуан (дон Жуан), коварный соблазнитель, нарушитель нравственных и религиозных устоев, главный герой драмы испанского писателя Тирсо де Молина «Севильский озорник, или каменный гость» (1625) [19], а также пьесы Хосе Сорильи «Дон Хуан Тенорио» (1849) [20] и многих других театральных и музыкальных произведений, стал синонимом неутомимого искателя любовных приключений во многих культурах, формируя гендерную оценку мужского поведения: *ser un donjuan/tenorio* (букв. «быть донжуаном») [10].

Бессмертное произведение М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» [11], повествующее о приключениях странствующего рыцаря Дон Кихота, стало источником множества ассоциативных образов, включая оценочные номинации. Наивность, чрезмерное благородство и доброта Дон Кихота отражены в отрицательной интеллектуальной оценке «глупый, наивный идеалист»: *ser un quijote* [10]. В русской литературной традиции имя главного героя бессмертной книги Сервантеса является синонимом положительной этической оценки: благородный, великодушный, справедливый, в испанском же превалируют другие семантические признаки: *se porta como un quijote* означает «ведет себя, как дурак, вмешивается в чужие дела» [4].

Как отмечает Ю. А. Рылов, имя оруженосца Дон Кихота, Санчо Пансы, не вошло в устойчивые сочетания русского языка. В испанском языке оно используется преимущественно со значением «практичный человек, без идеалов» (*como Sancho Panza*), а также при характеристике толстого человека [5, с. 97].

Следует отметить, что существует ряд так называемых интернациональных фразеологизмов с собственными именами. Эту группу составляют фразеологические единицы, которые появились на мифологическом, библейском или другом всем известном историческом материале.

Большую лингво-историческую информативность имеет античная мифология. Как элемент общеевропейской культуры античные мифонимы имеют интернациональный характер. Когнитивный ореол античных мифонимов похож в разных языках в силу единого источника, но актуализация онимов продолжалась на основе конкретных европейских языков, и выбор коммуникативно-значимых компонентов их семантики определяется интенциями автора.

Во фразеологизмах античного происхождения онимы – это личные имена персонажей античных мифов (*cuerno de Amaltea* – как из рога Амальтеи; *flecha de Cupido* – стрела Амура (Купидона); *lazos de Himeneo* – узы Гименея; *los jardines colgantes de Semiramis* – сады Семирамиды; *hilo de Ariadna* – нить Ариадны) и топонимы (*Cartago debe ser destruida* – Карфаген должен быть разрушен; *pasar el Rubicón* – перейти Рубикон) [18].

Онимы библейского и евангельского происхождения – это личные мужские и женские имена: Адам, Бог, Богородица, Господь, Ирод, Иуда, Каин, Лазарь, Понтий Пилат (*Todos somos hijos de Adán* – начинать от Адама; *¡Dios nos tenga en su mano!* – пусть Господь помогает; *Más malo que Caín* – хуже, чем Каин; *andar (ir) de Herodes a Pilatos* – отсылать от Понтия к Пилату) [Ibidem]. Самыми популярными онимами являются Бог, Адам, Иуда, Каин.

Довольно часто в заимствованных фразеологизмах используются семантически связанные с онимами отономастичные прилагательные, которые являются ядром фразеологического значения, так как содержат в себе богатую внеязыковую информацию: *la espada de Damocles* – Дамоклов меч; *el lecho de Procasto* – Прокрустово ложе; *las cuadras de Augias* – Авгиевы конюшни; *Columnas de Hércules* – Геркулесовы столбы; *el talón de Aquiles* – Ахиллесова пята; *el trabajo de Sisifo* – Сизифов труд; *arpa eolia* – Эолова арфа; *el juramento de Anibal* – Аннибалова клятва; *victoria de Pirro, victoria pírrica* – Пиррова победа [Ibidem].

Наиболее многочисленную группу составляют фразеологизмы с компонентом-библеизмом. Они образуют отдельный пласт фразеологических единиц с ономастическим компонентом. Единицы этого типа, как правило, не заимствовались одним языком из другого: в каждом языке происходил отбор из одного общего источника – из Библии. Однако важно учитывать особенности этого религиозного текста, основной чертой которого является способность к символическому переосмыслению. В целом библейская символика интернациональна, прежде всего, это имя-символ, вокруг которого вырастает фразеологическая единица, формируются межязыковые параллели. Однако у одного и того же библейского имени в разных языках спектр коннотаций и сопутствующих значений может отличаться или вообще отсутствовать, что ведет к различиям и в значении самой единицы [8].

Как замечает Н. Г. Мед, испанское языковое сознание по-своему перерабатывает понятия, связанные с религией, именами святых, библейскими и церковными реалиями, выделяя в них свои собственные префразеологические аспекты. Так, с именем Иисуса Христа могут ассоциироваться представления о плохо выглядящем, неухоженном, неряшливом человеке, а также покрытом кровотокающими ранами, синяками, царапинами, и, следовательно, формируется отрицательная эстетическая оценка: *estar hecho un Cristo// un nazareno* (букв. ‘быть похожим на Христа//се человека/назаретянина’). Подобные представления связаны не столько с евангельскими сюжетами, сколько с изображениями изможденного, истекающего кровью, едва прикрытого рваной одеждой Христа на процессиях Святой Пасхальной Недели [4].

Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (*Cristo, Jesús, Jesúcristo*), в том, что в ней содержится много междометных образований: восклицания *¡Jesús!*, *¡Jesucristo!*, *¡Cristo!*, *¡Santo Cristo!*, *¡Jesús, Dios mío!*, *¡Jesús, María y José!*, *¡Jesús mil veces!* могут сопровождать широкую гамму чувств – от жалобы и удивления до испуга и облегчения. Кроме того, междометие *¡Jesús!* произносится, когда кто-то чихнул (соответствует русскому «Будьте здоровы!») [5, с. 86]. В словаре М. Молинер зафиксирован ряд выразительных фразеологизмов: *como a un Cristo (a un santo Cristo) dos pistolas* «как Христу два пистолета», то есть не подходит, не сочетается; *como Cristo con los mercaderes* «как Христос с торговцами», то есть непримиримо; *donde Cristo dio las tres veces* – очень далеко; *poner a alguien como un Cristo* – оскорбить, загрязнить, обойтись плохо; *armarse la de Dios es Cristo* – устроить скандал [15, р. 132].

Интересно сформировались в разных языках символические переосмысления имени *Адам*. В русском языке компаратив *как Адам* обычно сопровождается прилагательными *голый, нагой* и т.п., что восходит к библейским сказаниям об Адаме и Еве. Совсем другой образ данного персонажа в испанской картине мира. С испанским именем *Adán* связаны следующие коннотации: грязный, неопрятный, неряшливый человек (*ser un Adán; hombre, estás hecho un Adán; Manuel es el típico Adán, se viste mal y no se cuida nada*) (см. статью «Adán» [17, р. 36]). Как видно из приведенных примеров, в испанской лингвокультуре произошло переосмысление первочеловека и его наготы: нагота стала восприниматься не как открытость и начало всего, а как неорганизованность, неряшливость. Помимо данного значения в словаре испанского арго слово *Adán* имеет и другой смысл – *droga, tipo de éxtasis, sintético, de bajo coste* ‘(наркотик, вид экстази, синтетический, дешевый) [Ibidem]. Имя же прародительницы *Евы* употребляется в выражении *hijas de Eva (дочери Евы)* для обозначения женщин вообще; кроме того, *eva* на молодежном жаргоне – разновидность наркотика [Ibidem, с. 326].

Важно отметить тот факт, что само имя собственное является символом и существует в языке с закрепленным за ним багажом и характеристиками образа. Например, в испанском и русском языках существует фразеологическая единица *поцелуй Иуды* – *beso de Judas* со значением ‘предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви, дружбы’. В словаре арго появляется особое значение у слова *Judas*, основанное на его символическом переосмыслении – *mirilla de la celda o circuito de control por televisión manejado por los funcionarios para vigilar a los presos* ‘(букв. ‘глазок в камере или телевизионная система контроля, управляемая служителями с целью наблюдения за заключенными’) [Ibidem, с. 451].

В целом довольно часто библейские имена в испанском языке являются носителями иных коннотаций по сравнению с русским языком. Так, имя Магдалины в сознании русского человека, в первую очередь, связано с грехом и с раскаянием в грехе. Фразеологизм *кающаяся Магдалина* ‘о том, кто жалостливо кается в своих поступках’ основан на евангельской истории о Марии Магдалине, которая была исцелена Иисусом, изгнавшим

из нее бесов, и раскаялась в своей развратной жизни, став одной из его верных последовательниц. В испанском же языке компаратив *como una Magdalena, llegó hecha una Magdalena* («безутешно плачет», «пришла совершенно зареванная») употребляется по отношению к тому, кто очень сильно плачет и основан на другой евангельской ситуации, когда Мария Магдалина оплакивала Иисуса после снятия его с креста.

Имя Мафусаила, персонажа ветхозаветных преданий, прожившего 969 лет, закреплено в параллели *стар, как Мафусаил – ser más viejo que Matusalén* (букв. «быть старше Мафусаила») со значением «долгожитель». В испанском языке зарегистрирована единица молодежного сленга *matusa*, которая является производной от имени *Matusalén* и используется как имя нарицательное по отношению к старому человеку.

Итак, тот факт, что фразеологизмы с компонентом-библейзмом являются заимствованиями из одного источника, не лишает их национально-культурной специфики и самобытности, поскольку в каждом языке они приобретают особые коннотативные смыслы, часто являющиеся отражением исторического, духовного и нравственного пути становления и развития данного сообщества.

Вопреки устоявшимся взглядам на имя собственное как на достаточный показатель интернациональной или национальной принадлежности ФЕ, считаем, что наличие во фразеологизме онима с определенным статусом (интернациональным – в случае антропонимов библейского и античного происхождения, и национальным – в случае собственно испанских антропонимов) не всегда определяет статус всего фразеологизма. ФЕ с античными и библейскими антропонимами могут отличаться национальным своеобразием, а национально маркированные онимы способны организовывать ФЕ, накладываемые на присущие многим языкам структурно-семантические модели и поэтому имеют интернациональные признаки.

Итак, рассмотрение фразеологических единиц испанского языка на фоне исторического, политического и культурного развития страны обеспечивает более глубокое проникновение в сущность этих единиц, глубокое понимание образа, который положен в основу фразеологизма. Ономастическая фразеология имеет ярко выраженную национальную специфику. С помощью фразеологических единиц с ономастическим компонентом можно узнать много интересных фактов о традициях и привычках того или иного народа, о его истории. Проанализированные ФЕ с компонентом-антропонимом являются неотъемлемой частью общеевропейской культуры. Без знания культурно-исторического контекста невозможно правильно интерпретировать их смысловое содержание и использовать такие фразеологические единицы в языке.

Список литературы

1. Алексеева Е. А. Имя собственное в аспекте отождествления (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 1. С. 29-34.
2. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / пер. с исп. Н. Д. Арутюновой. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 354 с.
3. Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. 1080 с.
4. Мед Н. Г. Национально-культурная специфика оценочных фразеологизмов (на материале испанской разговорной речи) [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-otsenochnyh-frazeologizmov-na-materiale-ispanskoj-razgovornoj-rechi> (дата обращения: 07.01.2014).
5. Рылов Ю. А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа языка русской культуры, 1996. 288 с.
8. Титаренко Н. В. Фразеологизм с компонентом-библейзмом: национально-культурное своеобразие (на материале русского и испанского языков) [Электронный ресурс] // Международная научно-практическая интернет-конференция «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы» (18.04.2011 по 24.04.2011). URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/spru/report?memb_id=1112 (дата обращения: 17.01.2014).
9. Bartolomé Suárez A. Aforismos, giros y decires en el habla montañesa. Universidad de Cantabria, 1993. 262 p.
10. Cantera Ortiz de Urbina J., Gomiz Blanco P. Diccionario de fraseología española: locuciones, idiotismos, modismos y frases hechas usuales en español. Madrid: Abada Editores, 2007. 429 p.
11. Cervantes Saavedra M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha [Электронный ресурс]. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/el-ingenioso-hidalgo-don-quijote-de-la-mancha--0/> (дата обращения: 18.01.2014).
12. Diccionario de dichos y refranes [Электронный ресурс]. URL: http://www.esacademic.com/dic.nsf/sp_sp_dichos_refranes/1069/fera (дата обращения: 18.01.2014).
13. Diccionario de dichos y refranes [Электронный ресурс]. URL: http://www.esacademic.com/dic.nsf/sp_sp_dichos_refranes/774/parecer (дата обращения: 18.01.2014).
14. Martín Sánchez M. Seres míticos y personajes fantásticos españoles. Madrid: EDAF, 2002. 599 p.
15. Moliner M. Diccionario de uso del español: A-H. 2 edición. Madrid: Gredos, 1999. T. I. 1446 p.
16. Prieto M. Hablando en plata. Modismos y metáforas culturales. Madrid: Edinumen, 2006. 103 p.
17. Sanmartín Sáez J. Diccionario de argot. Madrid: Espasa Calpe, 1998. 878 p.
18. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. Madrid: Aguilar, 2004. XXXII+1084 p.
19. Tirso de Molina. El Burlador de Sevilla y convidado de piedra [Электронный ресурс]. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2006. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/el-burlador-de-sevilla-y-convidado-de-piedra--0/> (дата обращения: 18.01.2014).
20. Zorrilla J. Don Juan Tenorio. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2002. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/don-juan-tenorio-manuscrito--0/> (дата обращения: 18.01.2014).

NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF THE SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT-ANTHROPNYM

Singaevskaya Anna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
margaritkacha@list.ru

The article is devoted to the questions of proper name semantics as part of a phraseological unit and the problem of correlation between national and international in onomastic phraseology. It is ascertained that the onomastic component of a phraseological unit retains semantic connections with the relevant onym in language and speech and thereby motivates the phraseological unit meaning. The semantic weight of a proper name in general phraseological meaning depends on the specifics of its onomastic level and the degree of phraseological unit idiomatic character. National and international signs of phraseological units are not necessarily conditioned by the nature of an onomastic component. Phraseological units with international anthroponyms proper names of Biblical and ancient origin may be different in national characteristics and the turns of speech with nationally coloured onyms, being imposed upon common to many languages structural-semantic models, have international signs.

Key words and phrases: phraseological unit; proper name; anthroponym; onomastic component; structural-semantic model.

УДК 81 246.2

Филологические науки

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты сопоставительной характеристики грамматических систем русского и карачаево-балкарского языков. Автор приходит к выводу, что в процессе обучения русскому языку нерусских (балкарцев) должны учитываться типологические сходства и различия указанных языков для выработки коммуникативных умений в процессе речевой деятельности.

Ключевые слова и фразы: сопоставительный анализ; сопоставительная грамматика; родной язык; иностранный язык; типологические сходства и различия.

Созаев Азамат Борисович, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
azamat-s@list.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ©

Все имена существительные русского языка – без исключения – обладают одним синтаксическим свойством – могут иметь согласованное определение: *хорошему* дому, новое пальто, красивая земля, белая стена, острые ножницы. Существительные, морфологически охарактеризованные, выражают значение числа и падежа: городом, руках, столу, дня. Существительные, морфологически не охарактеризованные, не выражают никаких грамматических значений. Все существительные имеют обобщенное значение предмета. Указанное значение у морфологически не охарактеризованных существительных выражается корнем. У морфологически охарактеризованных существительных корень не всегда имеет значение предмета, он может обладать значением признака или действия. В этом случае значение предметности непременно должно присутствовать в суффиксе: *сер-ост-и*, *движ-ени-ю*, *бег-отн-ей*, *бел-изн-ы*; *син-ью*, *бег-а*. Отмеченное синтаксическое свойство характеризует все словоформы, а следовательно, и лексемы существительных. Следовательно, морфологические категории, у которых идет речь, принято считать формообразующими, словоизменительными.

В карачаево-балкарском языке из-за отсутствия категории рода согласование существительных с определяющим его прилагательным осуществляется по-другому. Определяющее слово всегда занимает препозицию: *акъ юй*, *акъ юйле* – *белый дом*, *белые дома*; *таш юй*, *таш юйле* – *каменный дом*, *каменные дома*. Другой отличительной чертой является то, что в карачаево-балкарском языке все существительные изменяются по числам и падежам: *метро* – *метрола* (*метро* ед. ч. – *метро* мн. ч.); *кофе* – *кофеле* (*кофе* ед. ч. – *кофе* мн. ч.); *кашне* – *кашнеле* (*кашне* ед. ч. – *кашне* мн. ч.); *метро* – *метрону* – *метрогъа* – *метрону* – *метрода* – *метродан*; *адам* – *адамны* – *адамгъа* – *адамны* – *адамда* – *адамдан* и т.д.; *метроланы* – *метроланы* – *метролагъа* – *метроланы* – *метролада* – *метроладан*. В русском и карачаево-балкарском языках совпадение значений предмета бывает, когда значение предметности выражается суффиксом *бег-отн-я*, *чаб-чабыу*, *ходить* – *ходьба*, *бар-барыу* и т.д. В карачаево-балкарском языке все существительные, таким образом, изменяются по числам и падежам. Следовательно, эти категории являются, как и в русском языке, словоизменительными.

Родовая принадлежность существительных в русском языке и средства его выражения в карачаево-балкарском языке

Родовые различия у существительных русского языка проявляются: 1) в согласовании с разными формами полных и кратких прилагательных и причастий: *большой дом*, *большая деревня*, *большое кольцо*;